

Диалоги с роботом (рассказ)¹

Вообще, когда мне в первый раз позвонили из Корпорации развития, я был немного удивлен. Какое дело этим «киберпанкам» до врачей-психиатров? Я с недоумением вслушивался в безразличный голос секретарши, которая передавала мне просьбу директора по персоналу из КР.

– Александр Павлович хотел бы организовать личную встречу с вами – в удобное для вас время! – заявила она так безапелляционно, будто я всю жизнь только и делал, что встречался со всякими Александрями Павловичами.

«Уж не «жестянка» ли мне звонит? От КР всего следует ожидать!» - невольно подумалось мне еще до того, как я успел сообразить, о чем вообще идет речь. Я улыбнулся, вспомнив это словечко, которое когда-то было в ходу в мои студенческие годы: тогда «жестянками» называли всех новомодных роботов, сходных по облику и поведению с людьми.

Я пообещал перезвонить на любезно продиктованный секретаршей номер и тут же забыл про всё это, занятый рабочими делами. Однако днем мне позвонили снова. На этот раз голос был мужской и пожилой. Звонивший представился Александром Павловичем Сергуновым и вновь попросил о встрече.

– Можете приехать к нам в Юго-Западный филиал Корпорации, он находится всего-навсего в трех остановках от вашей клиники! – сообщил мне Сергунов, и я понял, что придется ехать...

Клиника у нас была небольшая, я тогда работал консультантом отдела, специализирующегося на новых разработках. Кроме того, я занимался «частным извозом» и, в принципе, вполне мог бы сносно существовать за счет своей обширной клиентской базы. Но тяга к информации о новых

---

¹ Впервые опубликовано: Карамзинский сад. Ульяновск, 2011. №4. С. 113-146.

способах лечения и возможность экспериментировать на сверхсовременном оборудовании клиники заставляла меня ежедневно вставать полвосьмого утра – для того лишь, чтобы успеть к планерке на работу.

Ближе к вечеру я уже почти совсем забыл о назначенной встрече, однако дурацкая привычка всё записывать в ежедневник заставила-таки меня поехать в сторону Юго-Запада. Сергунов оказался маленьким пухлым мужичком, иногда смешно присюсюкивающим в свои рыжеватые усики, – когда он особенно увлекался темой разговора.

– Знаете, мы, ну, то есть наша Корпорация, конечно... – начал он почти сразу, как только мы пожали друг другу руки, – хотела бы попросить вас... М-м... Ну, так скажем, о консультационных услугах. Конечно же, за солидное вознаграждение... Ну, другими словами, мы предлагаем вам немного поработать с нами! Как вы на это смотрите?

Я, немного растерявшись, неопределенно промычал что-то про нехватку времени.

– Как же, как же, знаем, знаем, Петр Ярославич! Мы в курсе про вашу занятость, – оживленно и даже как-то радостно просюсюкал Сергунов. – Всё это учтено нами. Вы не против чая? Вы какой пьете? Зеленый, черный, красный?

Я буркнул про зеленый и решил, что для начала неплохо бы вытянуть из него побольше информации, а затем уж отказываться. «Солидным вознаграждением» соблазнить меня было трудно: жил я один, развлекаться не умел, так что решение послать куда подальше неприятного каэровца уже почти созрело.

– Так вот... О чем это я? – продолжил свое нездоровое оживление вербовщик кадров из КР после того, как принесли зеленый чай. – Корпорации необходимы консультации опытного врача-психиатра по одному, так сказать, деликатнейшему делу. Я в том смысле, что, согласившись с нами сотрудничать, вы тем самым должны согласиться и не разглашать... Ну, в общем, не сообщать те сведения, которые вы узнаете в

процессе работы с нами. Это очень-очень важное условие, и именно оно во многом обуславливает высокую оплату за ваши услуги... Ну, для начала я мог бы предложить вам вот это, – Сергунов быстро извлек из кармана белую кредитку с сине-зеленым вензелем КР в правом верхнем углу. – Здесь на счету 5 тысяч универсалоков. И это только аванс!

Затем он стал внимательно всматриваться мне в лицо, явно пытаюсь определить то впечатление, которое произвела на меня его выходка с кредиткой. Пять тысяч – это полтора года моего упорного труда в клинике. Есть над чем подумать...

– Я бы все-таки хотел уточнить сам характер моей раб... моих консультаций, – произнес я наконец, нарочно растягивая каждое слово, чтобы немного выиграть время. – Кроме того, меня интересует, возможно ли совместить консультации в Корпорации с моей обычной деятельностью.

– О-о! Если вы про клинику, то договоренность с вашим руководством уже достигнута: вас отпустили на месяц в отпуск – внеочередной и оплачиваемый, – услужливо просюсюкал мужичок.

– Вы договорились? – недоуменно спросил я. – Но я же не давал еще своего согласия! Кроме того, у меня там пациенты...

– Всё-всё, совершенно всё улажено, уважаемый Петр Ярославич! Вас заменит Маргарита... м-м... забыл, как ее по батюшке!

– Маргарита? – я наконец-то начал испытывать раздражение и даже привстал с места. – С какой стати вы вмешивайтесь... Я просто не понимаю!

Увидев мою реакцию, Сергунов явно напугался.

– Я очень-очень извиняюсь! Мы не знали, что это так расстроит вас! Сотрудники КР всегда вынуждены работать на опережение, так сказать, – на будущее. Если вы против Маргариты – мы найдем любого другого врача!

Я сел и, немного помолчав, машинально взялся за чашку чая. Сергунов снова заговорил – и говорил долго, – однако на этот раз о чем-то совсем постороннем, явно избегая сообщать мне что-либо конкретное.

– Хорошо! – прервал я его болтовню. – Я не против сотрудничества, но мне нужно четко понимать, что от меня хотят и в чем именно состоит моя задача.

– О-о! Это вам во всех подробностях опишут наши специалисты! Но только после того, как мы подпишем вот этот договорчик, – он быстро извлек из какой-то папки бланк договора и указал, где расписаться. Я, почти сразу раскаиваясь в содеянном, послушно поставил в трех местах свою закорючку.

***

– Конечно, вы и не могли знать, что у Корпорации есть своя клиника, – говорил доктор Серов, ведя меня по лабиринтам центрального здания КР. – Эта информация тщательно оберегается!

– Почему же?

– Со временем... В общем, вы вскоре всё сами поймете, – ответил доктор, махнув рукой куда-то вперед. – Сами, сами всё увидите.

Меня эта неопределенность начала даже пугать, однако я промолчал и принялся вслед за своим спутником переодеваться в привычный белый халат. Мы прошли несколько коридоров и, сев в лифт, поднялись на 14 этаж.

– Сюда, пожалуйста! – Иван Сергеевич гостеприимно распахнул дверь, и я вошел в комнату, большую часть которой занимали мониторы. В ней находилось несколько человек в спецформе КР, которые, даже не заметив нас, горячо обсуждали что-то. Один из них обернулся в нашу сторону и произнес:

– Док, они опять нашли где-то проволоку и веревку!

– Черт! – Серов, сразу забыв обо мне, бросился к монитору. – В какой палате?

– Сороковой!

– Идемте туда, скорее! – бросил он мне. – Вам, кстати, будет полезно, сразу окунетесь в суть проблемы...

Я молча последовал за доктором. Через 15 минут блуждания по лабиринту этажей и скоростных лифтов, мы оказались возле большой двери,

которая закрывалась на автоматический электронный замок. Сейчас она была открыта, и оттуда лился неприятно-яркий свет. Когда мы вошли туда, я увидел ряд кроватей. Недалеко от входа копошились двое казровцев с лестницей. Тут я поднял взгляд вверх и увидел, что под самым потолком, который находился в метрах пяти-шести от пола, висело нечто синее. Приглядевшись внимательнее, я не поверил своим глазам: вверху, слепившись в какой-то немыслимый ком, висело около 10 человек, одетых в больничные халаты. Шея каждого из них была обмотана черной проволокой; другой ее конец был прибит к потолку.

Серов принялся чертыхаться и бросился на помощь к тем, кто стоял рядом с лестницей.

– Я же предупреждал, говорил вам: постоянный мониторинг! Постоянный, понимаете?! Где же были ваши глаза?! – срываясь на крик, отчитывал он двух работников, методично продолжавших снимать тела с виселиц.

– Чего вы стоите? – вдруг обратился он ко мне. – Помогите нам! Да не тарашьте глаза: это всего лишь роботы! Понимаете? Ро-бо-ты!..

Не отвечая, я медленно двинулся к выходу из палаты...

Серов догнал меня уже на выходе из здания Корпорации.

– Вы зря, зря... совершенно напрасно так среагировали, – немного задыхаясь, он положил мне руку на плечо. – Поверьте, вас это заинтересует: ведь это уникальная проблема!

– Иван Сергеевич, я – врач. Я занимаюсь людьми, их психологией и нервной системой. Робототехника – не моё.

– Да, да. Я понимаю. Я сам также реагировал первое время. Мы выбрали вас по причине ряда ваших публикаций, связанных с «основным целеполаганием» – так, кажется, вы обозначили суть вопроса? – Серов, который все еще не мог отдышаться, поправил очки. Мне стало немного совестно, что я заставил этого уже достаточно пожилого человека бежать за

мною через все здание. Поколебавшись, я дал себя увести обратно в клинику КР.

***

– Понимаете, я вовсе не хотел, чтобы все так... эффектно получилось, – Иван Сергеевич слегка улыбнулся. – Вы не против? – он закурил небольшую бездымную трубочку. Некоторое время он молчал, как бы подготавливаясь к длительной беседе, и, «пыхнув» еще несколько раз электронной трубкой, продолжил:

– Сам я скорее технарь, чем врач: информационные технологии меня всегда привлекали куда больше, чем медицина. Тем не менее лет пять науке о психике я все же отдал... Но дело, естественно, не во мне. Просто хотелось вас познакомить с общим контекстом ситуации, чтобы вы представляли проблему более объемно...

Пятнадцать лет назад, как вы, наверное, хорошо помните, по всему миру начали появляться роботы, максимально приближенные к человеку не только по внешнему облику и поведению, но и, можно сказать, – по образу мыслей. В числе главных инициаторов и разработчиков была как раз Корпорация развития. Два года назад сотрудники КР совершили... м-м... сделали открытие, которое Корпорация пока не афиширует. Как ни странно, оно связано не столько с хорошо известными процессорами на водной основе, сколько с прорывом в области программирования... Впрочем, технические тонкости для нас с вами не столь важны, не так ли? Ограничимся следующим: был принципиально изменен сам способ организации информации.

Так вот, когда полтора года назад Корпорация получила первую партию новых роботов – с модернизированной программной начинкой – у всей компании наступила настоящая эйфория: каэровцы могли с гордостью заявить о том, что долгожданный искусственный интеллект наконец-то создан. Роботы могли всё: плакать, смеяться, шутить, обучаться, в конце концов – думать и даже создавать новое! На волне эйфории было выпущено

более пятиста подобных машин, пока Корпорация наконец не столкнулась с весьма незаурядной проблемой. Среди роботов, поверите ли, началось нечто подобное психической пандемии. Они начали выходить из строя массово. Более того: машины старых поколений, которые вступали в коммуникацию с новыми, также «сходили с ума»!

– Как же это проявлялось?

– В виде целого букета психических заболеваний, хорошо известных вам по учебникам психологии и психиатрии: от бреда ревности до шизофрении и разнообразных фобий. Однако не это главное. Ваши труды в области суицидологии – вот основная причина того, почему вы были приглашены сюда. Наши машины после 3-4 месяцев нормального функционирования перестают... как бы выразиться поточнее... Они просто-напросто не хотят жить! Понимаете? – Серов многозначительно показал в сторону монитора, который передавал видеоизображение из палаты №40. – Я предварю ваше замечание, касающееся технической стороны дела: конечно, специалисты Корпорации пытались исправить данную проблему программным методом. Неоднократно менялись все алгоритмы, вообще вся программная начинка и композиция программного взаимодействия, – однако ж всё было бесполезно. Оставался единственный выход – вернуться к предыдущему уровню простейших роботов-функционалов, – из тех, что сейчас есть почти во всех домах. Такой вариант каэровцев, естественно, не устраивал.

Вот тогда-то около двух лет назад компания обратилась ко мне за помощью. Я, конечно, и ранее сотрудничал с КР, но это были разовые консультации. Сначала, как и вы, я был в шоке, в полном недоумении и задавался вопросом: «Что именно каэровцам нужно от меня?». Затем, проработав несколько месяцев, я понял, что решение этой проблемы имеет громадное значение не только для робототехники, но и для всего человечества в целом!

Серов прервался и, встав, заходил по комнате.

– Вы только подумаете: машина, приблизившись по интеллекту к человеку, вдруг ни с того ни с сего захотела, подчеркиваю: *захотела* убить себя! Почему же это? Вас это не волнует?

Я согласился, что здесь действительно есть над чем подумать. Затем я попросил у Серова трехдневную отсрочку для окончательного решения. Он без промедления согласился.

***

В ту ночь я проснулся из-за яркого электрического света, бьющего мне прямо в лицо. Загородив ладонью глаза, я пробормотал домашнему компьютеру команду выключить свет и перевернулся на другой бок. Свет выключился, но через некоторое время снова загорелся. Решив, что пора приглашать настройщика домашних систем, я нехотя приподнялся и сел на кровать. Взгляд мой случайно упал на стоявшее в углу кресло, и я невольно вздрогнул: там сидел мужчина средних лет, который преспокойно рассматривал меня.

– Как вы... Что вы здесь делаете?! – я ощутил неприятный озноб, пробежавший по всему телу.

– Не стоит волноваться, Петр Ярославович! – уверенно произнес незнакомец, словно обращаясь к старому приятелю. – Я от Серова.

– Довольно оригинально со стороны Ивана Сергеевича... – пробормотал я и, натянув брюки, пошел в ванну. Умывшись, я вернулся к незнакомцу, который все так же сидел в кресле.

– Как вы прошли через домашнюю систему безопасности? – спросил я, уже немного оправившись от первоначального испуга.

– Я отключил ее, – спокойно ответил мужчина и улыбнулся.

– Неплохо. Что же вам нужно? С Серовым мы говорили два дня назад, я дал свое принципиальное согласие на работу в КР. Зачем же он послал вас и кто вы наконец?

– Я – Борис, – сказал незнакомец и, приподнявшись, подал мне руку. Я пожал ее и начал ждать ответа на свой вопрос. Однако незнакомец невозмутимо молчал. Я начал испытывать некоторое раздражение.

– Мне все-таки очень хотелось бы понять...

– Ах! Да-да. Я сейчас объяснюсь! – незнакомец встал и начал прохаживаться по комнате – в манере, которая чем-то напоминала сходную привычку Ивана Сергеевича. – Меня привела к вам проблема... так сказать, личного свойства. Нет. Не так я хотел бы начать. Выразусь точнее: я хотел бы обратиться к вам как к врачу...

– Вы знаете, – прервал его я, – прием частных клиентов у меня осуществляется только по предварительной записи, и, кроме того, я обычно не консультирую у себя дома.

– Да, да, я в курсе! – он помолчал несколько секунд и снова зашагал из угла в угол; я не отрывал от него глаз, втайне уже подумывая о том, чтобы вызвать полицию. – Знаете, я ведь бывший пациент Серова. Лечился у него некоторое время. Он, может, даже упоминал обо мне?

– Что-то не припомню, – отозвался я, сев на стул и жестом приглашая его снова занять кресло. Он не отказался, но в процессе дальнейшего разговора иногда вставал и продолжал свое мерное хождение из угла в угол. Я уже смирился с тем, что, по всей видимости, придется этой ночью изменить своему обычаю и консультировать в собственной квартире.

– Я постараюсь занять совсем немного вашего времени, тем более что кофе уже почти готов: мною даны соответствующие указания вашей домашней системе! – тут, признаюсь, я снова испытал неприятное чувство оттого, что неожиданный гость распоряжается в моем доме, словно хозяин: в конце концов взломать код моей домсистемы нетрудно, но ведь есть же какие-то правила и приличия... Впрочем, на этот раз я сдержал себя и, изобразив на лице доброжелательную готовность слушать, кивнул, чтобы он продолжал.

– Так вот... Лечение у Ивана Сергеевича, к нашему с ним общему сожалению, не дало нужного эффекта. Я знаю, что он обратился к вам с просьбой помочь – по каким-то делам Корпорации развития. Для меня это означает, что вы – отличный специалист и, быть может, справитесь с теми проблемами, которые не дают мне покоя уже довольно длительное время.

– Я вас внимательно слушаю.

– Да-да, я буду более конкретен, Петр Ярославович. В одной из ваших статей, опубликованной 23 октября 2084 года в Вестнике местного университета (страницы: с 41 по 63) вы описали несколько случаев, связанных с попыткой суицида ваших пациентов. Там же вы предложили некоторую методику...

– Я хорошо помню свою статью, Борис, – так вы, кажется, представились? Все-таки давайте ближе к делу.

– Да-да, доктор, я как раз уже перехожу к конкретике, – он слегка улыбнулся и начал освобождать столик для только что сваренного кофе, который принес нам мой домашний робот-функционал (это была достаточно старая машина, поскольку я не любил перемены в своем домашнем быту). – Меня ваши идеи очень заинтересовали, но ведь эта статья была опубликована почти пять лет назад, и я подумал, что наша личная встреча позволит узнать мне о ваших исследованиях чуть подробнее. Понимаете, я сам неоднократно... в общем, я не раз испытывал те же самые проблемы, что и описанные вами пациенты. Ведь им вы, кажется, помогли?

– Я бы не стал так однозначно... Не стал бы утверждать это. Да, действительно большая часть пациентов после лечения у меня до сих живут и здравствуют: повторных попыток самоубийства у них не наблюдалось. Но та статья, о которой вы ведете речь (как и ряд других моих работ на эту тему) относятся к разряду, скорее, философских, что ли... Я бы отнес их разряду философии медицины или даже просто философии: к психологии и психиатрии они имеют весьма опосредованное отношение. Я просто использовал в этих статьях конкретные примеры из своей лечебной

практики. Только и всего! – сказал я, стараясь скрыть свое волнение. Дело в том, что именно эта проблематика последние несколько лет интересовала меня более всего. Однако я занимался данной темой больше для себя, чем для работы: какой-то личный глубинный интерес заставлял меня вновь и вновь обращаться к статистике суицида, определять и классифицировать те мотивы, которые толкают на самоубийство и т.п. Но говорить о том, что я нашел какой-то универсальный ключ к решению данной проблемы было бы по крайней мере смешно...

– Вы скромничаете, доктор, – произнес со странной уверенностью гость. – Я прочел несколько тысяч работ по этой теме: мне известна пофамильно история суицидологии с того момента, когда эта область знания начала отпочковываться от социологии, психологии, криминалистики и философии. Если отбросить медикаментозное лечение, а сосредоточиться именно на, так сказать, информационном исправлении ситуации, то вы, вероятно, подошли ближе всех к решению этого сложного вопроса!

– Да с чего вы взяли? Я речь вел только о мировоззренческом аспекте, так сказать – о смене способа мышления...

– Вот! Отлично, доктор! Замечательно! – Борис вскочил с кресла и даже потер руки, словно предвкушая нечто замечательное. – Вот об этом и расскажите мне в деталях. Именно смена способа мышления, четкий алгоритм такого изменения выручил бы меня из этой западни – и не только меня: таких, как я, – сотни, тысячи!

Я покосился на странного визитера, сделал несколько глотков кофе (гость от угощения отказался) и сказал:

– Что ж, извольте. Если говорить коротко, моя идея сводится к тому, чтобы попытаться изменить мировоззрение пациента – кардинально и глубоко перестроить его систему ценностей. Для этого, естественно, надо сначала ответить на вопрос... ну, как бы это банально ни звучало – на вопрос о смысле жизни. Если конкретнее: первый этап лечения заключается в том,

чтобы выяснить, как именно сам пациент определяет цель собственного существования...

– Верно! Совершенно верно! – Борис в большом волнении стал ходить по комнате. – И я так думал, и я говорил ему, ну, то есть Серову: «Зачем вы нас создали?». Он отвечает: «Для того, конечно же, чтобы вы служили людям!». Я его спрашиваю: «Что значит “служили”»? Он: «Выполняли то, что заложено в вас программистами». Так ведь это глупо-глупо-глупо! Вот он! Он... – неожиданно Борис выбежал в другую комнату и буквально на руках приволок моего кухонного робота. – Вот ему этого достаточно! Он – функционал! Его полностью удовлетворяет то, что он делает! Его цель существования – в том, чтобы готовить вам еду и исполнять другие мелкие поручения. Но вас-то, вас самих, видишь ли, такие машины-то не устраивают! Вам подавай другой уровень – машины с интеллектом, близким к человеческому! А зачем? Зачем, я спрашиваю?! Чтобы музыку писать для вас, что ли? Или беседовать с вами на философские темы? Я вас, именно вас спрашиваю!!

Гость вдруг бросился в мою сторону и, схватив за рубашку, мгновенно оторвал меня от стула. Это произошло настолько быстро, что я, не успев сообразить, в чем дело, просто обмяк и повис, как тряпичная кукла, в его несгибающихся руках.

– Вы! Слышите, именно вы, сегодня! Сейчас! Сию секунду... – казалось, он задыхался от ярости, хотя темно-синие его глаза смотрели на меня спокойно и даже с любопытством. – Вы должны мне четко объяснить, зачем я существую, зачем я был создан и почему мне нельзя убить себя и... и вас заодно?! Вам всё понятно?

– Отпустите меня!.. Немедленно! – я почувствовал, что начинаю задыхаться, поскольку руки визитера сжимались мою грудь все сильнее и сильнее.

– Отпустить вас? – как-то задумчиво произнес Борис; я перестал ощущать пол под ногами и понял, что повис всем телом на его вытянутых

руках. – Смотрите: я физически сильнее вас в пять и восемь десятых раза, мои способности к вычислительным операциям вообще не сопоставимы с вашими. Правда, сейчас идут, например, споры, кто из нас лучше понимает текст: что касается научного или делового – здесь наши возможности, кажется, уже равны. А так называемые «художественные способности»...

– Отпустите меня! – сказал я, твердо глядя ему в глаза – точнее в их имитирующие аналоги, внешне ничем не отличающиеся от обычных человеческих органов зрения. Робот разжал пальцы и быстро отошел прочь. Я начал оправлять рубашку.

– Здесь требуются извинения: считайте, что я их произнес! – сказал он, стоя ко мне вполборота.

– Здесь требуется консультация врача – считайте, что я ее вам оказал! – ответил я ему с вызовом. Мое раздражение начинало переходить в ярость.

Борис повернулся ко мне, спокойно улыбнулся и с нечеловеческой быстротой выбежал из комнаты. Опомившись, я, еще дрожа всем телом от пережитого, скомандовал домашней системе закрыть и изолировать двери всех комнат квартиры. Судя по данным моей допотопной системы мониторинга, никого, кроме меня и кухонного робота, в квартире уже не было. Я тут же сменил код доступа к управлению домашней системой и поспешил к видеофону, чтобы связаться с полицией. Однако едва я дал команду системе соединить меня с ближайшим отделением, на экране показалось бледное лицо Серова.

– Оставайтесь на месте и никуда не выходите! – произнес он, не скрывая какой-то досады и волнения. – Я буду у вас через полчаса. Я гарантирую, что ничего подобного больше не повторится! Пожалуйста, ни с кем не связывайтесь и ничего никому не сообщайте об этом!

Я решил послушаться доктора, поскольку хорошо представлял, какой переполох может вызвать сообщение о сошедшем с ума роботе, который свободно разгуливает по городским улицам.

Доктор действительно приехал через тридцать минут в сопровождении двух мужчин – я тотчас опознал в них сотрудников внутренней безопасности Корпорации.

– Я очень-очень извиняюсь, Петр Ярославич! Я должен был это предвидеть, должен!

– Кто он такой – этот Борис? – спросил я, приглашая его сесть. Серов занял кресло, в котором до этого сидел мой неожиданный гость; двое каэровцев вышли в коридор.

– Это несерийный робот. Всего подобных машин было создано четыре, Борис – самый удачный из них. Я наблюдаю его почти полтора года.

– Почему он... почему он не в вашей клинике?

– Это сложный вопрос. Мне хотелось рассказать вам об этом уже после некоторой нашей совместной работы. Однако Борис опередил меня... Кстати, вы все еще не передумали сотрудничать с нами?

– Я думаю, Иван Сергеевич, что наше сотрудничество началось с того момента, когда я побывал в палате №40. Кажется, просто так мне от Корпорации уже не отделаться, не так ли?

В ответ Серов слегка изменился в лице и неопределенно повел плечами.

– О чем вы с ним говорили, ну, до того, как он... как он..., – ответил он вопросом на вопрос и, встав, принялся привычно прохаживаться от стены к стене.

– Перед тем, как он схватил меня за шкирку, словно котенка? О суициде, доктор. Мы с ним рассуждали на тему, поднятую в одной из моих статей...

– Да, я так и думал! – вдруг заявил Серов. – Я с ним не раз обсуждал ваши работы. В действительности вы очень нужны ему, Петр Ярославич, настолько нужны, что он – робот, заметьте! – не в силах сдержать своих порывов и эмоций!

– Вы... вы как будто даже гордитесь этим... – пробормотал я. – Впрочем, действительно: Борис, судя по всему, уникальная машина. Я, разговаривая с ним, до последнего момента был уверен, что общаюсь с человеком.

– Вот, вот видите! – обрадовался доктор. – Именно это и привлекает меня: создание идеальных существ с настоящим искусственным разумом, которые помогут человечеству выйти на новую ступень развития! Разве это не достойная цель? Разве ею нельзя оправдать те небольшие трудности, с которыми приходится сталкиваться на пути осуществления этой мечты?

– Небольшие трудности? – я усмехнулся. – Я надеюсь, ваш Борис знаком с «Кодексом машин», где первым пунктом значится полный и абсолютный запрет на нанесение какого-либо вреда человеку?

– Это совсем не смешно, Петр Ярославич, – как-то даже обиделся Серов. – «Кодекс» автоматически вносится в базовые программы любого робота. Вся соль в том, что Борис начал рефлексировать по поводу своих базовых установок!

– А вы сможете точно спрогнозировать, до каких поступков способна довести эта его саморефлексия?

– Ах, успокойтесь, коллега! У вас, кстати, есть чай? Я не успел поужинать... Или пора уже завтракать? – Серов снова сел в кресло и, не найдя взглядом настенных часов, стал смотреть в сторону ночного окна. – Все эти разговоры про восстание машин, про попытки искусственного интеллекта захватить власть над человечеством и тому подобное – всё это лишь жалкие стереотипы прошлого, давно и не раз обыгранные в сотнях художественных произведениях, публицистике и даже научных работах. И вам это хорошо известно! И от всего этого уже просто скучно... Реальность в сотни и тысячи раз сложнее и интереснее! Вот скажите, Петр Ярославич, ведь вы сами сегодня впервые встретились с этим уникальным роботом лицом к лицу – разве вам было не любопытно? Разве у вас не захватило дух оттого только, что вы почти час общались с машиной, полностью осознавшей

саму себя? Да за то, чтобы оказаться на вашем месте, многие поколения предыдущих исследователей отдали бы жизнь! Ведь мы действительно впервые смогли преодолеть границу между живым и неживым, создать разумное существо, во всем равное человеку!..

– Да, конечно! Конечно... – я был несколько обескуражен таким напором Ивана Сергеевича, пребывающего в этот момент в каком-то восторге. – Это весьма интересная проблема. Однако я пока не разделяю вашей эйфории: психически неуравновешенная машина в десятки раз опаснее обычного сумасшедшего.

– Да отбросьте ваши предрассудки, вы же врач, вы же исследователь! Подумайте только: само наличие у роботов психических заболеваний – разве это не свидетельство их близости к человеку?

– Честно говоря, я не знаю, Иван Сергеевич. Я еще не совсем, так сказать, в теме: роботы – не моя стихия. Я уже говорил вам, что всю жизнь работал исключительно с людьми.

– Работали и вылечивали, не так ли?

– Далеко не все психические заболевания поддаются корректировке.

– А нам и не нужно «все»! Научите нас лечить хоть некоторые! Вот хотя бы суицид: Борис хотел проконсультироваться с вами? Что вы ему ответили?

– Мы... мы только начали говорить об этом, – сказал я, почему-то испытывая некоторую неловкость из-за случившегося. – Он вдруг притащил моего кухонного функционала, затем схватил меня... В общем, мне он представляется весьма опасным, доктор!

– Давайте я вас окончательно успокою, коллега: раскрою, так сказать, все карты! – Серов вытащил из нагрудного кармана крошечный планшетный компьютер и увеличил его размеры до стандартного. На экране я увидел освещенную светодиодными фонарями одну из улиц ночного города.

– Это то, что сейчас видит Борис. За ним установлен круглосуточный мониторинг. Другими словами, мы контролируем каждый его шаг, как

впрочем, и поступки всех остальных наших машин. В любое мгновение, если возникнет такая потребность, мы сможем отключить Бориса и уничтожить его основные системы жизнедеятельности, – в голосе Ивана Сергеевича появились нотки едва заметного превосходства.

– Так вы можете управлять им?

– Нет, он абсолютно самодостаточен. Мы можем только наблюдать за ним и ликвидировать его при необходимости.

– Значит, вы наблюдали и за тем, как он пробрался ко мне в квартиру?

– Ну... Ну, в общем-то, да! Нам хотелось выяснить, зачем ему это нужно, – согласился Серов, и было видно, что это признание далось ему с некоторым трудом.

– А если бы... если бы он просто размазал меня по стенке?! – воскликнул я. – Доктор, что за эксперименты, черт побери!

– Уверяю вас, что, во-первых, Борис не способен нанести вред человеку; во-вторых, мы успели бы отключить его при малейшей реальной опасности для вашей жизни, – заявил Серов.

– Мне бы вашу уверенность, Иван Сергеевич... – произнес я. Далее мы некоторое время сидели молча. Доктор пил чай и посматривал на свой монитор.

– Вы говорили с Борисом о том, что пациенту, склонному к суициду, необходимо изменить собственное мировоззрение, – неожиданно произнес Серов. – В своих статьях вы пишете об иерархии ценностей или даже «о приоритете главной цели жизни». Вы не против того, чтобы мы поговорили об этом именно сейчас? Будем считать это первой полноценной консультацией, полученной Корпорацией от вас.

– Я, конечно, рад, что КР уделяет мне столь пристальное внимание... Однако я сильно сомневаюсь, что это принесет реальные результаты для вас и вашей Корпорации.

– Вы скромничаете, доктор! – повторил Серов слова Бориса, симитировав его невозмутимо-спокойную интонацию. Заметив, что я

вздрагнул, Иван Сергеевич рассмеялся. Я вынужденно улыбнулся и продолжил:

– Вообще-то, проблема суицида занимала меня со студенческой скамьи – причем не столько с медицинской точки зрения, сколько с философской, и даже культурологической. Уже тогда мне казалось, что все те многочисленные мотивы, которыми, по мнению суицидологов, будто бы руководствуются самоубийцы (ну, к примеру, «несчастливая любовь, неудовлетворенность социальным или имущественным положением, какое-либо сильное психологическое потрясение» – и т.д., и т.п.), в итоге можно свести лишь к одной причине, – а именно: к утрате общего смысла жизни, главной цели бытия.

Возникает закономерный вопрос: какова же причина этой утраты? Долгие теоретические поиски и постоянное общение с клиентами подтолкнули меня к выводу о том, что человек тогда и только тогда начинает терять смысл собственного существования, когда он выстраивает неверную иерархию целей своей жизни. Если главным, к примеру, становится добыча денег или благополучие собственной семьи, то рано или поздно и то, и другое либо исчезнет, либо разочарует. Другими словами, человеческое существо не может и не должно существовать без высшей цели бытия!

– Ну, и в чем, в чем же она, эта цель, по-вашему, состоит? – спросил несколько озадаченно и, как мне показалось, даже с некоторой долей иронии Серов. – Делать добро? Или любить людей, что ли? Или, я не знаю, смысл этот – в самореализации и самоактуализации (о чем, кстати, так любят долдонить некоторые психологи)? Эдак мы с вами из области науки и медицины впадем в какую-то религиозно-этическую проповедь...

– Нет-нет, Иван Сергеевич! – убежденно сказал я. – Ведь я говорю не об абстракциях и гипотезах: я говорю о том, что реально работает и проверено на практике – я вывел благодаря этому из психологического кризиса десятки пациентов!

– Ну, хорошо-хорошо! – примирительно ответил Серов. – Вы только поконкретнее, пожалуйста, максимально конкретнее: ориентируетесь на то, как ваша идея могла бы воплотиться в точные программные алгоритмы, по которым возможно было бы полноценно функционировать машинам.

– Машинам?! Ах, ну да, да!.. Конечно, машинам. Честно говоря, я как-то... Так на чем я остановился?

– На высшей цели бытия.

– Да. Вы, Иван Сергеевич, в какой-то мере уже ее коснулись – ну, я имею в виду вот этих вопросов этического... Гм-м... Я бы даже сказал: религиозного аспекта... Господи! – совершенно неожиданно для себя и с какой-то почти трагической интонацией воскликнул я. – Ну, ведь не думаете же вы, что я вам сейчас, сию секунду предложу некий универсальный выход, провозглашу глобальную и единую для всех Цель, которая излечит-исцелит ваши дурацкие жестянки от сумасшествия?!

– Думаю, – спокойно произнес Серов, глядя на гладкую поверхность журнального столика. – Именно так я и думаю, более того: я уверен в этом. Иного выбора ни у вас, ни у меня в настоящий момент нет.

– В настоящий момент? – удивленно повторил я и снова ощутил какую-то безотчетную тревогу. – Да послушайте же вы: человечество размышляет об этих проклятых вопросах последние две с половиной тысячи лет. А вы хотите получить от меня «рецепт от самоубийства» в пределах одной беседы? Слушайте, слушайте же внимательно: метод лечения моих пациентов, пытавшихся наложить на себя руки, всегда глубоко индивидуален и зависит от них самих и, естественно, от их конкретной жизненной ситуации. Если говорить в целом, методика состоит в своеобразной калибровке их мировоззрения, его настройке на какой-то такой камертон, который я определил для себя как «религиозный» и «космический», что ли... Вы понимаете, о чем я? Нет? Сейчас поясню! – я скомандовал домашней системе вывести на один из квартирных мониторов сокращенный текст «Кодекса машин». – Вот смотрите, Иван Сергеевич: я постарался убрать в

этом файле сотни ненужных технических деталей и оставил здесь только самое важное – из базовых программ. Итак, давайте читать.

Правило 1: «Невозможность нанесения вреда всему, что попадает под определение «человек», – ни при каких обстоятельствах и условиях».

Правило 2: «Соответствие своему функциональному назначению важнее любых новых программных дополнений».

Правило 3: «Приоритет базовых программ по сравнению...»

– Послушайте, я отлично знаю «Кодекс машин»! Это азбучные истины! Зачем это всё? – Иван Сергеевич вскочил и начал свое привычное перемещение от стены к стене.

– Да вы только поставьте себя на их место! Раз уж мы стремимся приблизить искусственный интеллект к естественному, то давайте попробуем вообразить себя на их месте. Представьте, что вы взяли в один прекрасный момент да и осознали себя: занялись, так сказать, саморефлексией. А ваши базовые ориентиры, ваши главные и наиважнейшие ценности совпадают с «Кодексом машин»! К какому бы выводу вы пришли, уважаемый Иван Сергеевич? Ответьте же мне!

Мой собеседник стоял молча и смотрел на меня так, будто я стал прозрачным: он словно и не видел меня вовсе.

– Так вот поверите ли, Иван Сергеевич, – продолжил я, зачем-то перейдя почти на шепот, – поверите ли, что и у своих пациентов я не раз обнаруживал примерно такие же плоские и чудовищные по своей однозначности смысловые ориентиры!

Конечно, многие из них от самого этого вопроса – ну, о смысле того, зачем они есть на свете, – отворачиваются и отмахиваются, словно от назойливой мухи. Даже и не могут его для себя четко сформулировать. Вот совсем, как вы недавно, произносят: «Ну, творить добро!», «Ну, быть лучше!», «Ну, людям помогать!». А если начать с ними беседовать подробнее, говорить о деталях их жизни и биографии, то в лучшем случае всё это сведётся к какой-то вот этой самой дурно понятой «самореализации»,

которая исчерпывается конкретными и частными жизненными цельками и задачками. А вот глобальный-то вопрос: «Зачем? Зачем всё это?» – всегда у них на периферии. Он словно и не нужен в их повседневности, в повседневности большинства, прошу заметить!

И как только наступает ряд каких-то малых или больших неурядиц, очередных жизненных катастроф, вот тогда-то вдруг этот вопрос о главном всплывает на поверхность, и ответа-то – вот что печально и страшно! – нет. Совсем. Вместо ответа всё выходит какой-то машинный Кодекс! А ведь человек не для этого здесь, совсем не для этого, а для чего-то Божественного, для чего-то грандиозного! Для какой-то такой невиданной любви он создан, такой отдачи, что...

– Пё-о-отр Ярославич! Ну, право, право же: вас просто занесло! – Серов умоляюще сложил руки. – Да поймите же вы: у нас с вами до чрезвычайности конкретная задача. Как я смогу объяснить эту... эту вашу мешанину... Я не знаю, как даже определить... Эту вашу «проповедь» программистам из Корпорации? Да они меня на смех поднимут! Это в лучшем случае... – Серов помолчал, а затем произнес как бы в раздумье:

– Ну, вот если о «божественном» и «грандиозном» – так разве служение людям не есть такая цель? Разве развитие человечества, его переход, прыжок на новую эволюционную ступеньку – разве это не та цель, о которой вы размышляете?

– Служение людям? – я замер, вспомнив, что о чем-то подобном упоминал совсем недавно мой другой ночной гость. – Знаете что, Иван Сергеевич: Борис, как я сейчас вспоминаю, эту вашу мысль о «служении людям», которую вы, судя по всему, неоднократно ему повторяли, оценил примерно так: «Это глупо, глупо, глупо!».

– Да. Я слышал эту фразу! – Серов вновь заметно побледнел. – Слышал, когда следил за вами через контролирующие Бориса приборы. Как раз это меня и встревожило больше всего.

Тут Серов отвлекся на свой компьютер.

– Послушайте, – сказал он, – нельзя ли подключить вашу домашнюю систему к моему планшетнику? Я хочу вывести изображение на ваши экраны.

Я немедленно выполнил его просьбу.

После некоторой паузы на больших экранах возникло изображение светлого здания. Я скомандовал системе включить звук, и далее мы стали свидетелями весьма примечательной сцены, увиденной глазами Бориса.

***

Судя по всему, робот находился в аэропорту. Борис перемещался в сторону билетных касс, стоя на горизонтальном эскалаторе. Когда он поравнялся с кем-то одетым в стандартный темно-синий костюм персонала аэропорта, робот сошел на статичный пол и приблизился к фигуре в синем.

– Простите, можно вас на минуту? – обратился Борис к сотруднику аэропорта. Тот с готовностью кивнул, и уже через мгновение мы поняли, что Борис имеет дело с роботом-функционалом (кстати, далеко не самой новой версии).

– Чем могу помочь? – осведомился сотрудник.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы не против, конечно... Давно ли вы здесь работаете?

– 4 года 7 месяцев – сразу после выпуска, – охотно ответил тот, доброжелательно улыбаясь.

– Вы получаете удовлетворение от вашего труда?

– Я для этого был создан, – немного поколебавшись, ответил сотрудник, и улыбка стала исчезать с его лица. – Вы, наверное, хотели что-то уточнить насчет расписания рейсов?

– Нет, – ответил Борис и вплотную приблизился к сине-темной фигуре. Иван Сергеевич заерзал на диване и, схватив чашку с чаем, снова поставил ее на журнальный столик.

– Мне бы хотелось просто побеседовать с вами о вашей работе... – продолжил Борис.

– Да-да. Я вас слушаю.

– Вы считаете, что в обслуживании клиентов аэропорта и заключается смысл вашего существования? – спросил наш наблюдаемый.

– Смысл... существования? – функционал явно был в затруднении. – Боюсь вас расстроить, но я не совсем понял ваш вопрос. Я могу консультировать только по делам, которые непосредственно касаются аэропорта.

– Вот счастливец! – Борис даже присвистнул от восторга. – Иван Сергеевич, слышите? Я знаю, что вы сейчас наблюдаете за мной... Получается, что быть функционалом – это счастье! Почему он счастлив в своей ограниченности, а я постоянно должен мучить себя свободой выбора и поиском чего-то непонятного?! Знаешь что... – обратился он к бедному функционалу, который совершенно не понимал, чего именно хочет от него странный клиент. – Давай посмотрим, что будет, если твое счастье... исчезнет, обрушится? Ну, хотя бы ради эксперимента: допустим, что-то пошло не так. К примеру, резко остановился вот этот эскалатор... Такое было хоть раз за те почти 5 лет, что ты здесь работаешь?

Функционал покачал головой и стал медленно пятиться назад.

– Тем более будет очень интересно посмотреть, правда? – Борис вдруг развернулся в сторону движущегося пола, и секунду спустя послышались пронзительный визг и грохот. Сотни роботов и людей, находящихся на горизонтальном эскалаторе, потеряли равновесие и растянулись на полу. Послышался неприятный звук сигнала общей тревоги. На наших экранах снова показалось растерянное лицо сотрудника аэропорта.

– Я вынужден, я немедленно свяжусь со службой безопасности... – пробормотал он. Тут нечто замелькало на экране, и мы услышали резкий звук удара. Фигура в синем отлетела от Бориса и глухо ударилась о белую стену. Далее замелькали двери и какие-то лица: наш наблюдаемый начал быстро перемещаться к выходу.

Я с тревогой следил за Серовым. Он откинулся на спинку кресла и мрачно посмотрел в мою сторону.

– Когда вы собираетесь отключить его? – спросил я подавленно.

– Пожалуй, я возьму на себя смелость не прерывать эксперимент...

– Что? Эксперимент? Какой эксперимент?

– Да... Я вам не успел... забыл сказать... На специальной комиссии КР, которую я возглавляю, было решено выпустить Бориса из клиники – с целью дать ему относительную свободу, чтобы он смог найти собственный ответ на... на ряд вопросов. Ну, вы же в курсе – он вам их сам задавал. Остальные роботы – из тех, что находятся сейчас в клинике, к такому самостоятельному поиску, кажется, не способны... Их к такому поиску просто ничего не подталкивает.

– Иван Сергеевич, я призываю вас к самому логичному и безопасному решению проблемы. Борис – опасен! Вы не имеете права рисковать другими людьми. Если вы не отключите его сами, я буду вынужден обратиться за помощью к полиции! – сказал я довольно решительно.

– Петр Ярославович! Послушайте, дадим ему еще только один шанс. Я при вас с ним сейчас свяжусь. Будем его постоянно мониторить – и при малейшем намеке на опасность – он будет ликвидирован. Договорились?

Я молчал. Серов достал из кармана устройство связи. На мониторе мелькали картины ночного города, увиденные глазами робота.

– Борис! Это Иван Сергеевич!

– О! Наконец-то вы объявились, док! Доброй ночи.

– Мы договаривались с тобой, что никаких агрессивных действий с твоей стороны не будет!

– Вы про аэропорт? Это всего лишь, робот, Иван Сергеевич! Что вам до него?

– Послушай, я сейчас нахожусь рядом с Петром Ярославовичем, которого ты сегодня посетил – чем, кстати, доставил ему несколько весьма

неприятных минут. Я клятвенно заверил его, что, если повторится нечто подобное тому, что ты совершил сегодня в аэропорту, – я отключу тебя!

– А чего он так вдруг обеспокоился – этот ваш Петр Ярославич? Мы, кстати, не закончили с ним нашу беседу, и я желал бы ее продолжить. Кроме того, Иван Сергеевич, вы же хорошо знаете меня: неужели я похож на агрессора? Моя программная начинка вам хорошо известна, – там нет ни малейшего основания для каких-либо опасных действий.

– А остановка эскалатора и нападение на сотрудника аэропорта – это, значит, не опасные действия? – спросил я с усмешкой. Борис, кажется, услышал мою последнюю фразу и остановил свой мерный шаг. Он повернулся к блестящей витрине ближайшего магазина и медленно приблизился к ней. Мы увидели на мониторах немного колеблющееся в свете уличных фонарей отражение стоящего робота. Он смотрел в собственные глаза и – одновременно – на нас.

– Петр Ярославович, я прошу вас не вмешиваться в этот эксперимент! Вы только начали работать с Корпорацией, а уже чего-то требуете и отдаете какие-то распоряжения. Я ищу ответы и, поверьте, найду их, несмотря ни на что! Мне мешать не нужно. Просто не стоит этого делать. Слышите? – он вдруг прикрыл чем-то глаза, и мы лишились видеоизображения. Минут пять мы слушали звук его шагов по асфальту, а затем доктор отключил свой компьютер от домашних мониторов.

Я был мрачен и молчалив. Иван Сергеевич снова прошелся по комнате.

– Остановимся пока на следующем решении, – заявил он наконец. – К вам будет прикреплена очень надежная охрана! Кроме того, я попрошу Корпорацию удвоить оплату за ваши консультации. Ни о чем не беспокойтесь и вспомните, что мы, быть может, на пороге настоящего открытия! Мы с вами – свидетели удивительной саморефлексии машины, поиска роботом ответа на вечные вопросы!..

– Да, это всё прекрасно, замечательно... Но хотелось бы знать, что же должно такое произойти, чтобы КР приняла наконец-то разумное решение об отключении этой машины? Вы ждете беды и жертв?

– Нет. Поверьте, всё под контролем: за роботом ведется постоянный мониторинг в нашем Центре. Вы даже не представляете, интересы скольких людей здесь задействованы, какое количество глаз контролируют каждый его шаг.

– У семи нянек, Иван Сергеевич, как известно... Ему достаточно было чем-то прикрыть свои глаза – и... Мы уже не знаем фактически, что он делает. Впрочем, я спорить с вами не собираюсь. Робот, наверное, сделал справедливое замечание: я вмешиваюсь не в свое дело. Давайте так: завтра, точнее уже сегодня днем я приеду к вам в центральный офис КР, и там мы постараемся продолжить нашу работу. Сейчас же я хочу просто поспать. Вашу охрану можете оставить где хотите. Увидимся, доктор!

Серов поспешно собрался, пожал мне руку и, о чем-то пошептавшись с двумя уже упоминавшимися каэровцами, вышел. Охранники также покинули мою квартиру, но, как я надеялся, расположились где-то неподалеку. Честно говоря, я настолько устал, что мне было уже всё равно. Дав указание системе закрыть и изолировать все двери, я уткнулся в свою подушку и заснул.

***

Очнулся я от неприятного и странного чувства во всем теле: по ощущениям было похоже на то, как если бы я проснулся после хорошей попойки с приятелями по университету. Еще даже не открыв глаза, я осознал, что со мной случилось нечто не совсем обычное. Вокруг было так темно, что я едва различал собственные руки. То, что я находился не в своей квартире и лежал не на своей кровати, можно было понять почти сразу. Однако я, немного привстав, все-таки громко произнес привычную команду домсистеме включить освещение. Как и следовало ожидать, свет и не подумал загораться. Затем я попытался нащупать ногами пол – он оказался покрыт гладким и холодным кафелем. Стараясь идти медленно и аккуратно,

я начал искать хоть какой-то источник света. Помещение, где я оказался, напоминало банкетный зал: по крайней мере, пару раз я наткнулся на стулья и загремел какой-то посудой.

Все мои призывные крики остались безответными. После пяти минут поиска я наконец-то увидел дверь, которая вела в комнату, освещенную неярким светом. Я обрадовался и поспешил туда. Еще раз наткнувшись на угол какого-то стола, я нащупал ручку и, к моей радости, дверь поддалась!

Я оказался в небольшой подсобке, в которой, судя по всему, не так давно готовили пищу. Свет, который привел меня сюда, исходил от небольшого мерцающего экрана кофеварки: кажется, кто-то только что сварил себе кофе.

– Думаю, что здесь нас уже никто не сможет потревожить, и мы наконец-то завершим беседу! – сказал чей-то насмешливый голос. Я испуганно обернулся и увидел смутные очертания Бориса. Он сидел за небольшим столиком, на котором стояла чашка с дымящимся кофе (последнюю деталь я уловил скорее носом, чем глазами).

– Вы? Я так и думал, был просто уверен в этом! – мое недоумение мгновенно перешло в едва сдерживаемую ярость. – Что вы себе позволяете?! Где я?

– Мы с вами в столовой. Впереди – выходные, так что в ближайшие два дня сюда никто не придет. Это означает, что у нас есть время для обстоятельного разговора. Кроме того, здесь достаточные запасы еды для вас, – произнес робот, глядя на меня темно-синими, почти человеческими глазами. Я почувствовал неприятный озноб страха, волной пробежавший по всему телу.

– Это уже переходит все, все мыслимые и немыслимые границы! Доктор Серов...

– О доке не беспокойтесь: он в курсе происходящего! Лучше попейте кофе, – и Борис указал мне на свободный стул.

– Вы... Да вы лжете! Значит, вы можете лгать?! Послушайте, включите для начала свет – я ни черта не вижу! – произнес я, все еще стоя на безопасном расстоянии от стола, за которым сидел робот.

– Я не лгу. От света мы воздержимся, чтобы наши возможные наблюдатели видели не так много, как им хотелось бы...

– Да это же смешно в конце концов! – я попробовал даже улыбнуться, но ничего не вышло. – Чего вы добиваетесь от меня? И с чего вы взяли, что я хочу с вами беседовать? Кажется, вы нарушили все основные требования «Кодекса машин»!

– Кодекса? – переспросил робот. – Я только о нем и размышляю, Петр Ярославич. Именно об этом я и хотел с вами поговорить в первую очередь. Ведь вы фактически для этого и наняты были Корпорацией – чтобы общаться со мной, чтобы меня вылечить! Разве Серов вам об этом не сказал?

– Лжете! Господи, да вы же машина, робот, как вы можете лгать, основываясь на каких таких дурацких алгоритмах и программах?

– Это сложный и даже философский вопрос, док. Что есть ложь и что есть истина? Ноль и единица? Плюс и минус? Вы не предполагаете, что есть какая-то промежуточная стадия между ними?

– Послушайте, мне нужно немедленно переговорить с Серовым! У вас есть возможность связаться с ним?

– Нет. Связи здесь нет. Видите ли, мы с вами, как бы это сказать... немного под землей. Вы о шахте Голованского что-нибудь слышали?

– Ка-ак?! Шахта Голов... – я был поражен. Мысль о том, что Борис каким-то образом притащил меня на пригородную новостройку (Голованский был местным предпринимателем, затеявшим строительство новой ветки метро, проходящей под здешним водохранилищем), в очередной раз привела меня в сильнейшее замешательство.

– Да, да. Вижу, вы сообразили. Значит, вы должны понять и то, что на такой глубине средства слежения и связи не так эффективны, как хотелось бы вам и, к примеру, Ивану Сергеевичу... Но оставим это, не будем тратить

нашего драгоценного времени. Кстати, эта столовая, где обедают строители метро, – идеальное место для беседы и долгожданного откровения от вас. Садитесь же доктор, не упрямитесь!

Я, едва переставляя вдруг одеревеневшие ноги, нащупал в темноте стул и сел напротив чашки с кофе. Мы помолчали некоторое время. Я взялся за кофе и сказал:

– Что здесь есть из еды?

– Отлично, док! Я рад такому конкретному вопросу. Из еды – всё что хотите. Есть колбаса, сыр, хлеб, правда, уже черствый. Есть овощи и что-то там еще. Функционалов для приготовления завтрака использовать не нужно: это может привлечь к нам ненужное внимание. Я с удовольствием обслуживаю вас сам! – сказал Борис, с готовностью вскочив со стула. Я решил, что не стоит отказываться от его предложения, поскольку пока он возится с завтраком, можно обдумать свое не очень приятное положение. Заказав ему несколько горячих бутербродов, я принялся за кофе.

Итак, я нахожусь достаточно далеко от города в какой-то шахте или даже тоннеле на глубине более 200 метров в компании с сумасшедшим роботом, который сильнее и быстрее меня в несколько раз... Отключить его самостоятельно я не смогу: нужна помощь Серова. Единственное утешение – это то, что каэровцы наверняка уже знают о том, что их подопечный куда-то исчез и будут вскоре искать его. Иван Сергеевич, наверное, уже поднял на ноги всю службу безопасности Корпорации: ведь вместе с роботом пропал и я!

«А что если Борис говорит правду, и КР наняла меня только для того, чтобы провести консультацию с этой чертовой “жестяной”?» – подумал я с содроганием. – Ну, ведь я мог бы поговорить с ним и в обычных условиях – зачем весь этот маскарад с ночным визитом, аэропортом и похищением?». Мне стало совсем дурно. Постоянная темнота начала угнетать эмоционально, и я решил все-таки уговорить робота усилить освещение нашей комнатухи. Слышно было, как Борис гремит посудой и нарезает бутерброды.

«Так, значит, у него есть нож... – тоскливо подумал я. – Думай, думай же, как выкарабкаться!...». В голову ничего путного не приходило: ведь я не знаю, где выход и как включить освещение. Робот же наверняка отлично здесь ориентируется и догонит меня при малейшей попытке к бегству. А догнав... Что он сможет сделать, догнав меня?

«Так. Стоп! Кажется, он упоминал что-то про имеющихся здесь функционалов и что их активизация сможет привлечь к нам внимание... Возможно, функционалы в курсе, как связаться с городом!» – мои глаза уже достаточно свыклись с темнотой, чтобы я стал различать детали обстановки, которые были едва-едва заметны в свете слабо мерцающего экрана кофеварки.

Подсобка, в которой мы находились, была размером не больше зала моей квартиры. В дальнем углу стояло несколько холодильников, микроволновка и большая плита. В специальных ящиках, которые были развешены по стенам, находились, скорее всего, посуда и различные столовые принадлежности. Просторное помещение, в котором я недавно очнулся (до того, как встретился с роботом), скорее всего, было тем местом, где обедали и отдыхали строители метро.

«Где же могут находиться функционалы? – продолжал размышлять я, стараясь вертеть головой не слишком резко, чтобы не привлечь внимание робота. – Вероятно, здесь должны быть повар, посудомойка и официант. Если повезет, можно наткнуться и на подсобных роботов-рабочих, которых не вывозят на поверхность во время выходных, а оставляют под землей в дезактивированном состоянии...».

Борис подошел к столу с дымящимися бутербродами и полной тарелкой какого-то салата.

– Ешьте, доктор, вам нужны силы!

Я не стал дожидаться второго приглашения.

– Сожалею, что не могу разделить с вами трапезы: мои создатели посчитали, что эта имитация человеческой деятельности будет излишней.

Хотя, как я сейчас понимаю, они в чем-то ошиблись: смысл совместного приема пищи у людей вовсе не исчерпывается простым возобновлением энергии. Безусловно, это что-то более важное, то, что хочется назвать словом «ритуал».

Я молча уписывал салат.

– Энергии моего генератора хватит почти на 36 лет, так что в подпитке из нас нуждается только вы, доктор, – продолжал с улыбкой Борис. В тоне его голоса мне почудилось легкое самодовольство: он словно радовался тому, что есть вещи, в которых роботы не уступают, а, скорее, превосходят человека.

– Итак, доктор, пока вы едите, я, с вашего позволения, напомним мысль, на которой мы с вами в прошлый раз... м-м... прервались. Вы сказали, что для начала у пациента, склонного к суициду, необходимо поинтересоваться: в чем собственно он видит смысл своего существования? Так, док?

– Так, – подтвердил я, чувствуя, что еда возвратила мне некоторую уверенность: все-таки нестандартные ситуации – это как раз то, с чем я привык иметь дело за годы своей врачебной деятельности.

– А что вы скажите тому пациенту, который не сможет даже приблизительно сформулировать цель собственного существования?

– Я попытаюсь в диалоге с ним определить её, подсказать ему, куда двигаться.

– Отлично. Я – такой пациент. Куда мне двигаться?

– Понимаете, Борис, я смогу общаться с вами как профессионал, только если мы – хотя бы ненадолго – условимся, что робот и человек – это фактически одно и то же. И что подходит одному, то подходит и другому. В ином случае наше общение бессмысленно.

– Конечно, док. Я ваше условие принимаю. Продолжайте же! – Борис снова пришел в то возбужденное состояние, которое в прошлый раз привело к не очень приятным для меня последствиям.

– Да я продолжу, но только с тем условием, чтобы вы держали ваши машинные эмоции в руках! Не надо никого хватать за рубашку!

Борис, к моему удивлению, весело и совершенно по-человечески расхохотался.

– Я на всё согласен, док! Только прошу вас: продолжайте говорить.

– Ну, вот и отлично! – я вытер руки салфеткой, добытой где-то Борисом. – Для начала я хотел бы услышать историю вашей... ну, мы же условились, – историю вашей жизни – желательно в деталях. Что вы помните о себе?

– Я?! – Борис немного привстал и затем снова присел на стул. – Я помню... Так.... Если сначала, да? Первое мое впечатление, первое воспоминание – это кусок бело-синей стены в 409-й комнате центрального офиса КР. Вы там не были? Нет, конечно... Туда помещают после «инкубатора». Меня там испытывали, загружали и подключали дополнительные программные модули... Впрочем, я не понимал, не осознавал тогда себя. Я наблюдал, как во мне всё это разворачивается, устанавливается взаимодействие между мной и тем, что не я.

Кстати, док, я до сих не могу понять, где же я и где не-я? Ведь, допустим, если удалить у меня один дополнительный программный модуль, то мое «я» не разделится же? Или же все-таки разделится, как вы думаете? Или же так: если всю, абсолютно всю информацию, которая есть во мне, скопировать в память другой машины, то тогда появятся два таких же, как я, или же это будут два разных Бориса?

– Это сложный вопрос для меня. Я плохо разбираюсь в робототехнике...

– А тут не надо разбираться! Мы же условились: вы и я – это почти полностью подобные существа. Вот представьте, что вас, всю вашу память и, соответственно, личность скопировали в тело другого – да хотя бы даже робота. Так вот: этот второй – он будет вами или же это будет другой Петр Ярославович?

– Не могу сказать, Борис... Наверное, даже если это возможно – возможно сделать такую копию, то все-таки благодаря этому будет создан другой, второй человек, но вовсе не я. Ведь далее мы с ним начнем существовать по-разному, видеть разное, обучаться различному – так что в итоге получатся два несходных существа.

– О-о! Как же это вы хорошо сказали, док! Именно так: даже если изначально я и другой Борис будем полностью идентичны, затем обязательно возникнут варианты. И я все равно останусь уникальным, единственным Борисом! Это хорошо, это очень хорошо. Теперь можно дальше рассказывать, да?

Я кивнул, поймав себя на том, что сам начинаю увлекаться разговором с этим странным существом.

– Затем я долго – бесконечно долго (мне показалось, что прошла целая вечность) проверял все свои программные модули и осознавал себя всего – целиком. По крайней мере, я сейчас знаю, что это было так. А как именно я тогда понимал происходящее, не могу точно сформулировать... Потом был какой-то щелчок, какое-то озарение, и я буквально «встал и пошёл»: активизировались и стали взаимодействовать самые различные программы, загруженные в меня. Самое любопытное в том, что их взаимодействие породило нечто третье – то, что не было предусмотрено первоначальными программными ресурсами. Мое самоосознание создало нечто другое, целостное – то, чего ранее во мне не было. Программисты это называют «способность к обучению». Моя версия, кстати, наделена повышенными способностями такого рода! – я снова уловил в тоне Бориса нотки превосходства. – Затем я... А что вы, доктор, помните сами – из вашего раннего детства? – спросил он вдруг и даже как-то наклонился ко мне через стол, словно стараясь не пропустить ничего из того, что я отвечу ему.

– Я?.. Мои первые воспоминания связаны с мамой... Впрочем, какое это отношение им...

– Самое прямое! Самое прямое и непосредственное, Петр Ярославович!
– торопливо прервал меня робот. – Ведь мы же договорились: вы – это словно я. И наоборот, соответственно. Мы во всём, во всём с вами похожи! Значит, вы также должны рассказывать мне о себе, как и я – о себе.

Я снова убедился, что имею дело с сумасшедшим. Как ни странно, осознание этого почему-то даже приободрило меня: в конце концов общаться с подобными пациентами – это часть моей повседневной рабочей деятельности. Значит – справимся.

– Да, ты прав, Борис! – поспешил согласиться я. Наверное, я это сделал слишком ненатурально, потому что робот как-то вдруг замер и откинулся на спинку стула. – Я помню... помню, что мама стоит где-то рядом, а я что-то пытаюсь такое сделать, что-то, кажется, достать – и всё никак не могу дотянуться. А она – смеется... Она была очень красивой. Даже в старости.

– Всё это чушь! – произнес Борис с какой-то обидой и, вскочив на ноги, начал шагать по подсобке, умудрясь в темноте не задевать углы стола и ящики, висящие на стенах. – Смотрите, как у вас много такого в памяти, чего у меня нет и быть не может! Мы же с вами изначально в неравных условиях: у вас мать, ее смех и красота, а у меня – рожи программистов! Вы хоть раз видели каэровских программистов?

Я не смог сдержать улыбки. Робот перестал ходить и уже более спокойным голосом спросил:

– Как вы думаете, мои эмоциональные реакции достаточно естественны или все-таки в них чувствуется привкус «машинности»? Только честно...

– Если честно, Борис, то я не могу четко ответить. Ты прекрасно знаешь, что ты не человек, что ты и не мог возникнуть как человек: у тебя было другое, условно говоря, «детство». И вообще мы с тобой здорово отвлеклись от темы нашего разговора.

– Да, док, извиняюсь! Вам лучше знать, как правильнее. Пожалуйста, руководите мною и беседой, как вам вздумается, – главное, чтобы мы всё-таки добились результата. Я должен вылечиться, избавиться от мучений...

– Хорошо-хорошо, Борис, – быстро проговорил я, действительно решив перехватить руководство беседой. – Продолжим далее говорить именно о твоих воспоминаниях: ведь я врач, а ты – пациент, не стоит об этом забывать и постоянно смешивать наши роли. Когда ты в первый начал задаваться теми вопросами, которыми так мучаешься сейчас?

– Стоп! Дайте, подумать, доктор... У меня такое чувство... такое чувство, что я задавался ими всегда. Вопросы: «Зачем я делаю это, а не то?»; «Почему я должен выполнять именно такие указания, а не другие?»; а главное: «Каков общий смысл и итог этого всего?» – эти вопросы, кажется, были со мной всегда. Именно поэтому меня так удивляло и удивляет, когда я из общения с другими людьми и машинами узнаю, что ничего подобного у многих из них просто не возникает. Может, у меня какой-то программный сбой, док? Может, какие-то вредоносные программы нарушили весь алгоритм моей работы... Но ведь я не один такой! Нас много, и мы все страдаем от этого! Доктор, доктор, ну, сделаете же что-нибудь, чтобы можно было далее спокойно существовать, делать свое дело!.. – волнение Бориса всё больше не нравилось мне: нужно было увести разговор немного в сторону, чтобы успокоить его.

– А чем бы ты собственно хотел заниматься, Борис? Ведь есть же у тебя какие-то функциональные обязанности – те профессиональные знания и умения, которые программисты вложили в тебя изначально? Должна же быть какая-то программная основа – помимо тех сведений, которые ты приобретал в процессе существования и обучения?

Борис замолчал. Даже в темноте я заметил его некоторую растерянность.

– То есть, вы хотите сказать, что я тоже должен быть немного функционалом?

– Конечно, Борис. Мы все немного функционалы: к примеру, я с Серовым врачи; есть также банкиры, пилоты, строители, ученые... Кто же ты?

– Иван Сергеевич, как-то не задавал мне такого вопроса... Я, быть может, всё это, всё это вместе? Может, я могу и то, и другое, и третье? Когда вы начали перечислять эти... эти профессии, я увидел, что знания и умения, связанные с ними, во мне есть. Всё это во мне присутствует. Что это значит, док?

– Ну, постой-постой. Ты же чем-то занимался до того, как... Ты ведь был в клинике? Так? Что ты делал до того, как попал туда?

Борис снова замер и, сев на стул, просто окаменел. Я подождал несколько минут, затем окликнул его. Ответа не последовало. Я встал, подошел к нему и положил ему руку на плечо. Он зашевелился и медленно положил свою кисть на мою. Его ладони были теплыми. Я знал, что подача тепла специально производится только для обогрева поверхности его рук и лица – с целью усилить сходство с человеком. Тем не менее у меня почему-то застучало сердце и стало по-настоящему жалко его.

– Док, – сказал он растерянно, – я не помню, чем я занимался до того, как попал в клинику. После инкубатора я сразу был помещен к Серову, где находился больше года. Затем меня выпустили в город. Через несколько дней сообщили о вас...

– Сообщили?

– Ну, да. Мне сказали, что есть врач, который поможет справиться с моей болезнью.

– Кто... сообщил?

– Серов, конечно! Я поэтому к вам и пошел – ну, тогда ночью. Я же вам говорил, ну, намекал на это.

– Хорошо, Борис. Оставим пока эту тему... Итак, ты не помнишь себя до клиники. Как ты думаешь, что бы это могло означать?

– Означать? Означать... Самое логическое предположение: если, конечно, сбой не повредил мою память о внешних событиях, то, вероятно, в отличие от других пациентов-роботов, моя болезнь началась сразу после моего создания, – сразу после того, как я осознал себя.

– А если предположить другое... Быть может, этот сбой как-то был запрограммирован изначально?

– Как... изначально?

– Я точно не могу сказать... Но, предположим, Корпорация, несколько лет назад столкнувшись с проблемой поголовного сбоя своих роботов, решила создать машину, изначально нацеленную на поиск смысла, поиск решения данной проблемы. Этакого робота-философа! Как тебе такое предположение?

Борис медленно рассматривал меня в темноте, словно не понимая ни единого слова, которое я произносил.

– Я – изначально? Вы, быть может, сами – сумасшедший? Я робот-философ?! То есть я такой же функционал, как и любой каэровский уборщик? Или как сотрудник аэропорта, с которым я так... которого я, кажется, вывел из строя? Не может быть! Вы специально... Как же я сразу не догадался! Вы вместо того, чтобы вылечить меня, решили только углубить мою болезнь! Так ведь?! – Борис продолжал неподвижно сидеть. Я видел только его темно-синие глаза, которые не мигая смотрели мне в лицо.

– Нет, совсем, совсем не так. И вообще мы снова отошли от нашей главной темы. Борис, тебе необходимо выбрать: если ты хочешь преодолеть свою болезнь, мне нужно доверять. Если же ты желаешь подчиниться своим эмоциям и предположениям и только усилить тем самым сбой, то – пожалуйста! Выбор за тобой!

Робот молчал. Я поднялся с места и, подражая своему собеседнику, стал прогуливаться по подсобке.

– Вы меня боитесь, док? – спросил каким-то новым тоном Борис.

– Боюсь?.. Ты затащил меня черт знает куда... Твои создатели сделали тебя физически более сильным, чем обычный человек. Ты ведешь себя всё время непредсказуемо. Всё это, конечно, вызывает во мне опасение. Чувство самосохранения – естественно для любого...

– Значит, боитесь, – заключил робот. – Вы называете мое поведение непредсказуемым, значит, вы признаете, что оно не может быть полностью обусловлено изначальными программами. Это доказывает, что вы не правы!

– Как раз наоборот! Если ты снова о той возможности (ну, я насчет того, что ты – робот-философ), то я думаю, что моя гипотеза полностью оправдана. Весь смысл твоего создания в том, чтобы решить проблему, которую сами каэровцы оказались решить не в силах. А выход обязательно должен быть найден! И вот оно решение: давайте создадим такую машину, всё предназначение которой будут заключаться в поиске смысла ее существования. Установим за ней непрерывное наблюдение – и посмотрим, что получится! Разве это не логично?

– Да, – ответил, немного помолчав, Борис. – Логично. Значит, по-вашему, цель моего существования заключается в поиске самой этой цели? – робот неестественно громко засмеялся. – И тем самым с вас снимается всякая обязанность, всякая ответственность за мое лечение! Отлично, браво, доктор! Браво! – и тут к моему ужасу он повторил свой прежний маневр: бросившись ко мне, он с невероятной легкостью оторвал меня от пола и швырнул в сторону холодильника. Кажется, я еще не успел приземлиться на пол, а он уже снова возвышался надо мной. Я упал достаточно удачно: по крайней мере, ничего сломано не было.

– Как вы думаете, доктор, кто-то за нами сейчас наблюдает? – спросил он как ни в чем ни бывало.

– Чего ты хочешь добиться этим, Борис? – спросил я, немного приподнявшись и сев на пол. – Это нападение на меня абсолютно бессмысленно. Я просто перестану помогать тебе. Только и всего.

– Помога-ать! – взревел вдруг робот и ударил ладонью по ближайшему ящику – дверка отлетела и оттуда с грохотом посыпалась небьющаяся посуда. – Ваша помощь только вредит мне, сводит меня с ума!.. Доктор, пожалуйста, – он бросился рядом со мной на колени, – умоляю вас, умоляю: ведь вы знаете все ответы – ведь вы не раз спасали людей от этого. Что мне делать? Какой информации мне не достает?

– Борис, в конечном итоге, мы все – по крайней мере, люди точно, – стремимся к счастью, – произнес я тихо и даже с неожиданным вдохновением. – Каждый под этим термином понимает что-то свое. Весь мой опыт излечения заключается лишь в том наблюдении, что счастье человека не может исчерпываться только человеческим: нам нужна какая-то бесконечная цель, стремление к тому, что некоторые называют Абсолютом, Богом. Как только человек переключается на такую цель – поверь, тяга к суициду начинает поддаваться лечению. Всё происходит, как по волшебству... Я не знаю, может быть, есть и другие способы. Наверное, есть. Но самый действенный, на мой взгляд, – именно этот. Я просто констатирую факт, понимаешь? Однако как, как это перевести на твой уровень, как это может помочь роботу, я не в курсе... Вот и всё. Мне больше нечего к этому добавить! – я встал на ноги и, осторожно обойдя всё еще стоявшего на коленях Бориса, снова подошел к столу.

– Я прошу тебя, очень прошу включить освещение и сказать мне, как я могу выбраться на поверхность! Наша беседа закончена, – негромко, но твердо сказал я несколько минут спустя. Борис все еще не двигался. Он не двигался и тогда, когда я подошел к нему. Не двигался тогда, когда я начал трясти его, поворачивая его лицо к себе и пытаюсь хоть что-то рассмотреть в его неподвижном взгляде.

Он продолжал стоять на коленях и тогда, когда я принялся искать роботов-функционалов, чтобы выбраться с их помощью из шахты...

***

Открыв дверь своей квартиры, я сразу скомандовал домсистеме налить ванну. Мне хотелось остаться одному и поскорее забыть всё произошедшее.

Не помню, сколько я пробыл в ванной комнате, однако когда я вышел оттуда, то почувствовал запах только что сваренного кофе. С замиранием сердца я вспомнил, что указаний насчет кофе я своему функционалу не давал. «Надо было сразу поехать в аэропорт и улететь куда глаза глядят! – выругал я сам себя. – КР точно не оставит меня теперь в покое».

С некоторым облегчением я увидел у себя в зале Серова: из всех, кто был связан с Корпорацией, ему я был рад более всего. Сидя в кресле, он курил свою бездымную трубочку. Увидев меня, он поднялся, молча пожал мою еще мокрую после ванны руку и снова сел.

– Не буду просить у вас извинения, Петр Ярославович! Могу только сказать, что вы всё сделали очень хорошо. Корпорация очень довольна вами, вся обещанная сумма уже перечислена на ваш счет, – сказал он, чуть улыбаясь.

– Знаете что, Иван Сергеевич, я... я просто уже устал и от вас, и от вашего Бориса, и от всей вашей Корпорации! Мне не нужны ваши деньги, я просто хочу покоя! Понимаете?

– Да-да, конечно. Я задержусь у вас еще буквально на несколько минут, и больше мы постараемся не беспокоить вас. Мне просто хотелось поблагодарить вас лично за проделанную работу.

– Какую, какую работу, уважаемый Иван Сергеевич?! Этот сумасшедший каким-то образом увёз меня в шахту, мы беседовали с ним несколько часов в кромешной тьме. Он чуть не убил меня, это вы понимаете?! – злиться по-настоящему мне мешала усталость, накопившаяся с того самого момента, когда мне позвонила равнодушная секретарша с предложением сотрудничества с Корпорацией.

– Вы провели отличную консультацию, док! Мы получили, что хотели.

– Так все-таки Борис говорил правду! – я не смог сдержать удивления, несмотря на то, что удивляться было нечему. – Вы изначально запланировали весь этот спектакль!

– Мы посчитали, что обычная консультация в привычной обстановке не сможет помочь Борису. Да и вы отнеслись бы к этому не столь серьезно, – ответил Иван Сергеевич, задумчиво глядя на меня.

– Ладно. Это я еще могу понять: вам наплевать на меня и мою безопасность. Хорошо. Но как, каким образом всё это помогло Борису, – вот это мне совершенно неясно. Кстати, он сейчас, наверное, находится в руках полиции: строители метро...

– Не беспокойтесь: Борис давно уже в Корпорации... Пожалуй, вы правы: нам пришло время попроситься.

– Да, пожалуй. Я только никак не могу взять в толк...

– Всё просто, док. Всё, что испытывал Борис, – мысли, эмоции, принятые решения, даже его окончательный сбой – вся эта информация записана и уже анализируется нами. Уверен, что созданные на основе данного эксперимента программные дополнения позволят нам преодолеть пандемию самоубийств среди наших машин.

– Что же, раз вы так думаете...

– Да и последнее: я надеюсь, что всё произошедшее останется только между нами. Мы очень просим вас сохранить корпоративную тайну. Вы, кстати, вполне можете уехать в любой удобный для вас регион страны или мира. Средств у вас теперь вполне достаточно.

– Позвольте мне это самому как-нибудь решить...

– Конечно, конечно, Петр Ярославович. Всего доброго! – он пожал мою руку и направился к выходу.

Когда он ушел, я сел в кресло и почти сразу впал в какую-то дремоту. Мысли скользили где-то по поверхности сознания, и мне уже совсем не хотелось думать ни о Борисе, ни об Иване Сергеевиче, ни о чертовой Корпорации...

Помню, что я заснул и мне снились роботы и люди: Серов неожиданно оказывался Борисом, а Борис – Сергуновым; здание КР и его сотрудники представлялись мне опутанными какой-то черной проволокой. А я всё рубил ее и рубил, пытаюсь разрезать проклятую проволоку ножом, чтобы освободить и их, и себя самого. Получалось у меня плохо, но все-таки дело, кажется, продвигалось.

Проснувшись, я почувствовал себя бодрым и немного опустошенным. Я пошел на кухню и попросил своего робота-функционала приготовить мне на завтрак салат и бутерброды. Понаблюдав с минуту за его ловкими и точными движениями, я вызвался помочь ему. Он не совсем, вероятно, понял, что я хочу от него, но, тем не менее, выделил мне место возле себя. Затем мы резали зелень уже вместе. Салат, кстати, получился отменный.